

6+

Кинозал «Победа»

6+

ЮРИЙ КАЧАЕВ

Братья Степановы

ХУДОЖНИК М. ФОМИН

И если в страну мою недруг ворвется,
Найдет он могилу себе.
Клянусь, - пока сердце в груди моей бьется
Отчизна, я – верен тебе.

*И если в страну мою недруг ворвется,
Найдет он могилу себе.
Клянусь, - пока сердце в груди моей бьется,
Отчизна, я - верен тебе.....*

Эти стихи написал четырнадцатилетний партизанский поэт Юра Стоянов, один из трех братьев Стояновых, о которых я хочу рассказать.

1941 год. Старший, Анатолий, окончил десять классов. Средний, Юрий, - семь. Ну, а младшему, Мите, было всего двенадцать лет.

ПРИКАЗ

ЗА НАРУШЕНИЕ КОМЕНДАНТСКОГО ЧАСА-РАССТРЕЛ.

ЗА ПОМОЩЬ ПАРТИЗАНАМ-РАССТРЕЛ.

ЗА УХОД ЧЛЕНА СЕМЬИ В ЛЕС РАССТРЕЛИВАЕТСЯ
ВСЯ СЕМЬЯ.

Ноябрьской ночью 1941 года в Старый Крым ворвались фашисты. Наутро на всех заборах уже белели приказы немецкой комендатуры.

Прочитав приказ, Юра Стоянов нарисовал на нем внушительную фигуру и в тот же день пришел к своему школьному учителю Никите Игнатьевичу Холоду. О чем они говорили, никто не знал.

Но с этого дня по одному и небольшими группами в лес потянулись пионеры и комсомольцы. У многих из них было оружие, добытое у врага.

7

Через месяц 5-й молодежный отряд был готов вступить в открытую борьбу с оккупантами.

Юра Стоянов, лучше других ребят знавший окрестности Старого Крыма, стал командиром разведчиков. Его группа каждый день проникала в город и собирала сведения о враге.

Каждый раз братья Стояновы заходили к матери, Марине Григорьевна, которая сообщала сыновьям все городские новости.

Группа Юры добывала и продовольствие. Местные жители помогали партизанам чем могли, отдавая иногда последний кусок хлеба.

С продовольствие было особенно худо. Вот уже месяц партизаны ели одни сухари и коренья. И Юра решился на отчаянный шаг. С горской своих разведчиков он устроил засаду на Симферопольской дороге, по которой немцы перегоняли скот.

Вскоре завязался бой.

Не потеряв ни одного своего человека, Юра Стоянов пригнал в лагерь 400 овец. – «От всей бригады спасибо тебе, командир», - сказал дядя Саша, комбриг Александр Александрович Куликовский.

- «Ну, а в комсомол вступить не пора?» – помолчав, спросил дядя Саша.
– «Вступлю, когда уложу со того фашиста и сравню личный счет. Сегодня он пополнился еще тремя».

15

- «Дядя Саша, - спросил Юра, - имею ли я право разрезать ... мой галстук? Мы никогда не можем достать кумача для партизанских просветов... на папахи- «Как твой старший товарищ и командир – разрешаю. Действуй, сынок!».

Вечером Юра собрал разведчиков у костра: «Ребята! Этот галстук был вымпелом нашей группа. Сейчас у каждого из вас будет гореть на папахе его алая ленточка. Тридцать маленьких пионерских знамен. Их вы должны пронести до победы!»

17

А наутро партизаны уже дрались с карателями. Весь свой огонь фашисты сосредоточили на горе Бурус, где занимал оборону 5-й молодежный отряд.

Дважды враг прорывался к самой вершине горы, дважды закипал яростный рукопашный бой.

Шестая за день атака. Все гуще ложатся вокруг окопов немецкие мины, все ближе цепи фашистов. Выложив на бруствер гранаты, Юра отдал приказ: «Стрелять, когда подойдут вплотную!»

Уже слышно, как хрустят камни под сапогами карателей, уже отчетливо видны их потные рожи. Тридцать метров... двадцать метров...
- «Огонь!»

Привстав, Юра одну за другой швырнул гранаты. И вот уже дрогнули и покатались вниз вражеские цепи. — «Нет, сволочи, не ходить вам по нашей земле!»

77

И в этот момент земля под Юрой качнулась, опрокинулся и встал на ребро купол бескрайнего крымского неба. – «Осколком навывлет!» – прошептал Толя Стоянов, склоняясь над братом.

Юру Стоянова, разведчика и партизанского поэта, похоронили у подножья горы Бурус. В нагрудном кармане у него нашли окровавленный листок бумаги: «Счет сравнял. Прошу принять меня в Ленинский комсомол..» С тех пор гору Бурус в память о Юре зовут Стояновой горой.

После смерти Юры командиром группы стал Анатолий. Ходить на разведку в Старый Крым становилось все опаснее. Немцы установили слежку за каждым домом, из которого, по их подозрениям, кто-то ушел в лес. По улицам города круглые сутки ходили фашистские патрули.

Ребята пробрались домой поздней ночью, а утром дому Стояновых была оказана «особая честь» – к ним явился шеф полевой жандармерии Альфред Михельсон.

Мать Стояновых никогда не видела более зверского лица. Она запомнила Михельсона на всю жизнь, узнала бы его среди тысячи других

27

Следом за Толей и Митей было арестовано несколько человек из городского подполья.

Братьев Стояновых пытали больше месяца. Ничего не добившись, начальник штаба отто Клямт и старший палач комендатуры Альфред Михельсон повели ребят на расстрел. Перед смертью Митя плюнул Михельсону в лицо: «Стреляйте, гады! За нас отомстят!»

А через несколько дней 5-й молодежный отряд, разгромив фашистов, вступил в Старый Крым.

Освободив город, партизаны стали искать предателя, который погубил старокрымское подполье. И тогда-то пополз злой слух, что братья Стояновы не выдержали пыток и выдали своих товарищей. Этот страшный слух жил двадцать лет, и двадцать лет не верила ему мать Стояновых.

И вот однажды погожим весенним днем к Марине Григорьевне пришел какой-то человек и сказал: «Вас вызывают к военному следователю».

В кабинен военного следователя Марина Григорьевна увидела мужчину. Он сидел к ней спиной. Следователь, продолжая допрос, спросил: «А фамилия Стояновых вам ни о чем не говорит?» – «Нет, вы меня с кем-то путаете». – «Тогда познакомьтесь с матерью братьев Стояновых».

Человек вскочил как ужаленный и обернулся к Марине Григорьевне. Челюсть у него отвисла, левый глаз дергался.

Мать долго, в упор смотрела на него.

Потом сняла с головы платок и протянула следователю: «Завяжите ему один глаз». – Следователь недоуменно пожал плечами, взял платок и выполнил просьбу.

- Таким его узнает каждый, - тихо звучали слова Марина Григорьевны. – Смотрите: главный палач тайной полевой полиции Альфред Михельсон, или Альфред Косой. Рыжая Крыса.

- «Почему она здесь? – истерически взвизгнул палач. – Я сам отправил ее в лагерь смерти! Она должна была умереть!» – «Не все умирают даже в лагерях смерти», - ответила Марина Григорьевна.

Только через двадцать лет сбылись слова Мити Стоянова: „За нас отомстят!“ Возмездие пришло, и Михельсон вместе с другими бывшими гестаповцами получил полный расчёт за свои страшные дела.

Один из боевых друзей братьев Стояновых показал мне узкую выцветшую ленточку шелка: «Это частица того самого галстука! Кусочек большого и светлого сердца нашего Юры. Немногим удалось донести его до победы».

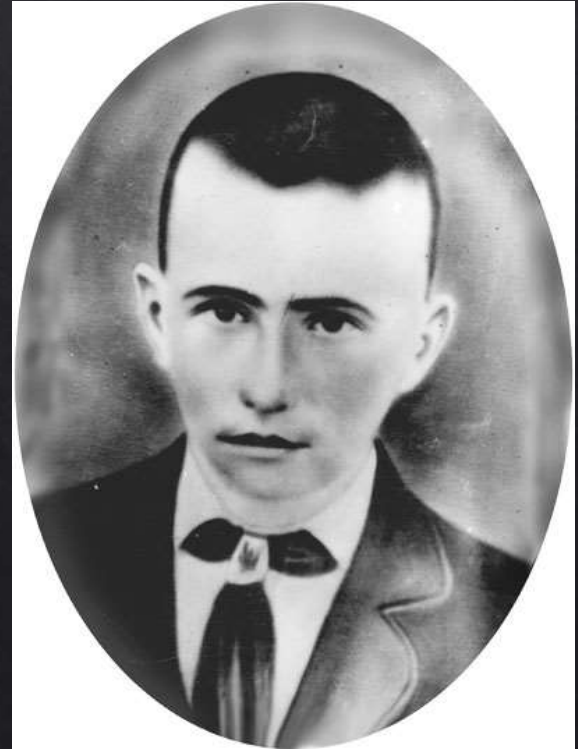
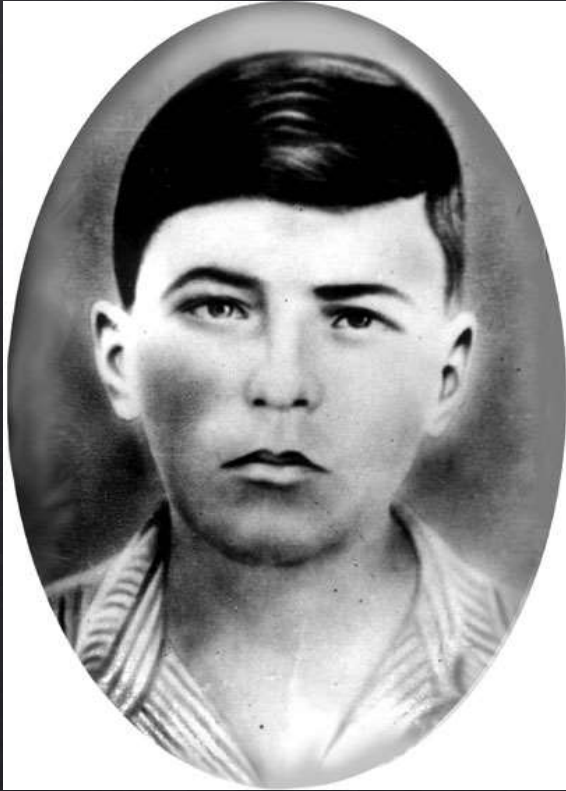
На улице братьев Стояновых в сквере лежат под могильными плитами старокрымские мальчишки вместе со своим учителем Никитой Игнатьевичем Холодом.

Видишь, сколько здесь плит? И под каждой из них лежат мальчишки твоих лет. Они отдали за тебя самое дорогое – свою жизнь. Вечная им память и пионерский салют!

БРАТЯ СТОЯНОВЫ

В ночь с 26 на 27 марта 1944 года, в ходе боя партизаны убили и ранили около 200 гитлеровцев, уничтожили два танка, множество другой боевой техники, склад с горючим и боеприпасами. Партизаны, значительную часть которых составляли старокрымчане, освободили из тюрьмы 46 человек, приговоренных к смерти. В течение трех часов народные мстители держали город в своих руках. За день до освобождения Старого Крыма, 12 апреля 1944 года, фашисты устроили зверскую расправу над мирными жителями.

КОНЕЦ

Редактор Г. Калашникова
Художественный редактор Л. Усайтис

Д-279-65

Студия „Диафильм“, 1965 г.
Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7

Черно-белый 0-20. Цветной 0-30